

Владимир Сувьгин

И ВСЁ ОСТАЕТСЯ НАДОЛГО

ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

Сиреневый город Семей! –
Твои голуби тоже сиреневы,
Взлетают легко с площадей
С шарфами в сиянии северном!

Заречная улица жжёт
Фасадом угасшего Рая,
Здесь где-то училка живёт,
С ютуба сирень собирая.

К ней Рыбников в гости идёт,
Хмельной, в макинтоше двубортном,
Минуя Литейный завод
И ржавые краны Речпорта,
Сирень маргинальную ту,
Цветущие яблони с вишней,
Где гопники в синих тату
Толкуют о рэпе и Кришне.

Здесь улиц с концовкой улы,
Увы, до сих пор не случилось –
Промзона, заборы, углы –
Но *сора*¹, – стихи чтоб светились,
на улочках тех *Пристанских* –
Речной, Перекатной, Матросской
С избытком. –
Да светится стих
Сиреневым светом неброским!

Улисс, что сбежал от сирен,
И сами сирены с похмелья
С утра обломали сирень,
Продали её еле-еле
И дискурс над пивом ведут,
Была ли *Заречная Нина*
Здесь в прошлом, и разве не тут
Гнездовье той *чайки* невинной.

Здесь творческий, в общем, ландшафт,
Здесь гриль *золотится* с фастфудом,
И каждый челнок – аргонавт,
По-прежнему верящий в чудо!
И если смотреть поверх крыш,
Барьеров поверх и сирени
На плёс золотой, на Иртыш,
Что так и *течёт к Иппокрене*², –
То можно сказать, что везло
И мне с чудесами немало,
Когда меня мимо несло
Причалов, сирени, вокзалов.

Порой обрывалось кино –
На Тверской, на иной, но беспечно
Верил, что досмотрю, всё равно,
Я его по весне на Заречной.
Всё равно, со счастливым концом,
Всё равно, сквозь сирень улыбаясь, –
Только веет она холодком
И относит Затон на Солярис.

¹ «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи...» (А. Ахматова).

² «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» – первый сибирский журнал (1789-1791). Иппокрена – источник вдохновения на горе Геликон.

* * *

Этой короткой весны прибывание
 Розовым вербным неявным огнём,
 Серо-лилового льда полыханием,
 С галками в черных скуфейках на нём,
 Там же грачей ликованье, радение,
 Давших Саврасову давний обет
 Русского вешнего неба свечение
 Славить у гнёзд до скончания лет.

Этой короткой весны воплощение –
 Жажда и страсть по стопам и крылам,
 Дальним и ближним –
 любовь и прощение,
 И – «*мне отмщение и аз воздам*».

«*Вешние воды*»,
 «*Обрыв*», «*Воскресение*»³ –
 Русская дума хмельней, чем «*Вино
 из одуванчиков*», – в небо весеннее
 С ней воспаришь,
 как Глазков в *том* кино⁴.

Там, где Андрея по мукам хождение,
 Великолепный венчает финал:
 Смуглые ангелы в горнем цветении
 Вечной весны, в красоте умозрения,
 Преодолели страданья фиал.

ОКРАИНА

Мне нравятся руины, запустение,
 Оставленные кем-то поезда,
 У рельсов безмянные растения,
 Чертополоха нежная звезда,
 Окраины рассеянное зрение
 И лестницы Иакова у стен,
 Весной у палисадников сиреневых
 Озоновый её ацетилен.
 Ленд круizers у дома Пенелопы,
 Беспощлиный транзит меж облаков
 На тонких одуванчиковых стропах
 Метафор из *неконченных* стихов.

Здесь девушка румяная сердито
 Меня направит взглядом от ворот,
 Красивая, как будто Аэлига,
 И чёрный пёс дорогу перейдёт.

Поблизости – ни банков, ни ломбардов,
 Тем более, – ни саун, ни аптек –
 Бредёт навстречу схожий с Леонардо
 Да Винчи бесприютный человек.

И всё-таки, так ветер свеж проточный,
 Что счастье здесь имеет место быть,
 Где в синий март от тяжести непрочной
 Ты в *дайвинге* волшебном волен плыть!

* * *

Идут белые снега,
 как по нитке скользят...
Е. Евтушенко

Идут белые снега –
 Принтер включен *Infiniti*⁵
 Миги снежинок в мега-
 пушистые нивятся линии.

Столько тепла и света
 В снежном и тёплом мороке –
 Хочется вторить Поэту
 Нежными тоже строками.

Вайберы, скайпы, ватцапы –
 Повыключать бы все лишнее, –
 Утром по заячьим лапам
 Уйти и остаться в *отишиии*.

Если бы только можно,
 Эти бы выбрал медиа:
 Вешней капли *Морзе*,
 Почерк снежинок медленный,
 Радио моря, чаек
 Возгласы над шипением
 Волн, а когда выключаю –
 Алых урагусов пение.

³ И. Тургенев, И. Гончаров, Л. Толстой.

⁴ Речь идёт о фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв», в прологе которого поэт Н. Глазков снялся в роли летящего на воздушном шаре простолюдина.

⁵ Infiniti – бесконечность; марка принтера; бренд.

СНЕГ

...а только один свет ослепительный,
простирающийся далеко на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца...

Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым

Снег, как всегда, ниоткуда
Наконец-то вернулся к нам,
Гостем, сияющим чудом,
Праздником лёг к ногам.
Стану думать о нём, забредая,
Странствуя за окоём,
Что, наверно, он вестник из Рая
С многовёрстным белым крылом.

Стану слушать его струенье
Между веток, вдоль торных троп,
Что вот-вот превратится в пенё,
В счастья веянье между строк.
Ниспаданью его покорный,
Долгий лёт его в сердце вобрав,
С белой проповедью Нагорной
Соизмерю его кроткий нрав.

Буду *плачущим, нищим духом,*
Всех *гонимых* приму печать,
Чтобы созданной из *воздухов*
Горней вестью его дышать,
Чтобы здесь, у черты слияния,
Дола снежного и высоты
В мотовиловское сияние
Наяву проложить следы.

* * *

Плывут глазастые авто,
И женщины в штанах в обтяжку.
Кентавр простуженный в пальто
На сквозняке вздыхает тяжело.

Иное дело – небеса,
Там ангелы вдали от торга
Свои возносят голоса
в хоромах светлых Сведенборга.

Они пошлют тебе привет:
Кристаллов реющее чудо,
И ты войдешь под этот свет –
Виссон, струящийся оттуда,

Преодолеешь тяжесть дней, –
Волной овеванный цветущей,
Поймешь, что жизнь твоя – ручей,
С небес таинственно текущий.

Что лучше, лучше под звездой,
Сиренью Врубеля блестящей
Молчать над медленной водой,
Внимая ангелам летящим.

ЭСПЕРАНТО ДОЖДЯ

Дождь с утра
реет серым собором Моне
В занавешенном
мокрой холстиной окне,
Еле слышно идет, уходить не спешит
Под паломника к счастью
порою косит, –
Если ветер относит его балахон,
Но за сеткой дождя –
без лица капюшон.

Дождь потоком
сознания и света прошит,
Он о планах своих говорить не спешит.
Он – из шёпота слов, его легкая сень –
Незнакомки вуаль,
ветра тень на плетень.
Непонятно, куда его струйный транзит:
В Замок Кафки,
а, может, в Уолдена скит.

Ясно только одно, что из музыки сфер
Его вектор лучится в страну Зинзивер.
Он шербуржские зонтики тщится качать,
Он под пение зяблика волен молчать,
Прекращаться,
грустить бесконечно готов,
Но – дождя эсперанто и сам Заменгоф
Не помог бы вместить
в наш житейский размер –
Его струи – из неба седьмого трансфер!

Вот, пожалуй, и всё содержанье дождя:
 Монотонного счастья и грусти, когда
 Куст сирени
     под влагой небесной продрог,
 И черемуха – с ним. Но ещё – эпилог,
 А быть может – пролог,
     смотря как повести
 Разговор. –
     Серый дождик сумел расцвести
 В нежных ирисах – ирисах радуги и
 Ниспаданьем своим красоту вознести.

* * *

Большие птицы медленно летят –
 И этого достаточно пока,
 Чтобы идти сквозь осень наугад
 И не спешить – как дым, как облака.

Большие птицы в те летят края,
 Где, к счастью, день земной не убывает,
 Где золотая времени струя
 Их прибиваньем света овеивает.

И ты стремишься к тем же берегам,
 В заливы неба нежно-голубые,
 К мерцающим за дымкой облакам,
 Где ливни прошумели световые.

Пути земли уходят в небеса,
 В эфир текут задумчивые реки –
 Алёши Карамазова глаза
 Глядят сквозь *Сон смешного человека*.

Стремится доктор Чехов на восток,
 Уходит навсегда Толстой из дома –
 Наверно, где-то есть и впрямь исток,
 Где можно жить и думать по-другому.

* * *

Ты скажешь,
     что, *вот и пора листопада*,
 Н. С. *Последней любви, расставанья...* А ты,
 Послушай, как сердце осеннему радо
 Высокому небу – а что до тщеты
 Той жизни земной,
     где так много разлуки
 Со всем дорогим, что сгорает дотла,
 Что просится в сердце
     и падает в руки,
 И хочет всего лишь любви и тепла –
 То всё остается вот так и надолго:
 Молитвенным словом,
     каймай кружевной,
 Просветом меж веток –
     не оптикой только, –
 А тихим сияньем
     меж мной и тобой.

Владимир Сулыгин родился на станции Жарма Восточно-Казахстанской области в 1955 году. В 1969 с родителями переехал в Семипалатинск, где живет и поныне. Литературное объединение «Прииртышские огоньки» в лице Семена Анисимова, Юрия Плотникова, позднее Надежды Черновой способствовало первым поэтическим устремлениям, но печататься начал в 1972 году, будучи студентом Томского политехнического института. Служил в армии, окончил Семипалатинский педагогический институт, после окончания которого работал в Семипалатинском мемориальном музее Ф. М. Достоевского, районной газете «Огни Прииртышья», областной – «Иртыш». Непродолжительное время работал в московском издательстве «Палей». Печатался в журналах «Простор», «Плавучий мост», региональных изданиях.

